

Максим Горький

Рассказы о героях

Максим Горький
Рассказы о героях

«Public Domain»

1930

Горький М.

Рассказы о героях / М. Горький — «Public Domain», 1930

«Чем дальше к морю, тем всё шире, спокойней Волга. Степной левый берег тает в лунном тумане, от глинистых обрывов правого на реку легли густые тени, и красные, белые огоньки баканов особенно ярко горят на масляно-чёрных полотнищах теней. Поперёк и немножко, наискось реки легла, зыблется, сверкает широкая тропа, точно стая серебряных рыб преградила путь теплоходу. Чёрный правый берег быстро уплывает вдаль, иногда на хребте его заметны редкие холмики домов, они похожи на степные могилы. За кормою теплохода туманнее, темнее, чем впереди, и этим создается фантастическое впечатление: река течёт в гору. Расстилая по воде парчовые отблески своих огней, теплоход скользит почти бесшумно, шумок за кормою мягко-ласков, и воздух тоже ласковый – гладит лицо, точно рука ребёнка...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Максим Горький

Рассказы о героях

«Всякое дело человеком ставится, человеком славится».

I

Чем дальше к морю, тем всё шире, спокойней Волга. Степной левый берег тает в лунном тумане, от глинистых обрывов правого на реку легли густые тени, и красные, белые огоньки баканов особенно ярко горят на масляно-чёрных полотнищах теней. Поперёк и немножко, наискось реки легла, зыблется, сверкает широкая тропа, точно стая серебряных рыб преградила путь теплоходу. Чёрный правый берег быстро уплывает вдаль, иногда на хребте его заметны редкие холмики домов, они похожи на степные могилы. За кормою теплохода туманнее, темнее, чем впереди, и этим создается фантастическое впечатление: река течёт в гору. Расстилая по воде парчовые отблески своих огней, теплоход скользит почти бесшумно, шумок за кормою мягко-ласков, и воздух тоже ласковый – гладит лицо, точно рука ребёнка.

На корме сдержанно беседуют человек десять бессонных людей. Особенно чётко слышен высокий, напористый голосок:

– А я скажу: человек со страха умира-ат...

В слове «умирает» он растянул звук «а» по-костромски. Ему возражают пренебрежительно, насмешливо, задорно:

– Смешно говорите, гражданин!

– В боях не бывал!

Напоминают о тифе, голоде, о тяжести труда, сокращающей жизнь человека. Усатый, окутанный парусиной, сидя плечо в плечо с толстой женщиной, сердито спрашивает:

– А старость?

Костромич молчит, ожидая конца возражений. Это – самый заметный пассажир. Он сел в Нижнем и едет четвёртые сутки. Большинство пассажиров проводит на пароходе дни своих отпусков, это всё советские служащие; они одеты чистенько, и среди них он обращает на себя внимание тем, что очень неказист, растрёпан, как-то весь измят, сильно прихрамывает на правую ногу и вообще – поломан. Ему, наверное, лет пятьдесят, даже больше. Среднего роста, сухотелый, с коричневой жилистой шеей, с рыжеватой, полуседой бородкой на красном лице; из-под вздёрнутых бровей смотрят голубые глаза, смотрят эдаким испытующим взглядом и как будто упрекают. Трудно догадаться – чем он живёт? Похож на мастерового, который был когда-то «хозяином». Руки у него беспокойные, он шевелит губами, как бы припоминая или высчитывая что-то; очень боек, но – не весёлый.

Часа через два после того, как появился он на палубе теплохода, он обежал её, бесцеремонно разглядывая верхних пассажиров, и спросил матроса:

– С верхних-то сколько берут до Астрахани?

И через некоторое время его певучий голос внятно выговаривал на нижней палубе:

– Конешно, – лёгкое наверх выплывает, подымается, тяжёлое – у земли живёт. Ну, теперь поставлено – правильно: за лёгкую жизнь – плати вчетверо.

Нельзя сказать, что этот человек болтлив или что он добродушен, но ясно чувствуется, что он обеспокоен заботой рассказывать, объяснять людям всё, что он видел, видит, узнал и узнаёт. У него есть свои слова, видимо, они ему не дёшево стоят, и он торопится сказать их людям, может быть, для того, чтоб крепче убедиться в правоте своих слов. Прихрамывая, он

подходит к беседующим, минутку-две слушает молча и вдруг звонко говорит нечто, не совсем обычное:

– Теперь, гражданин, так пошло: ты – для меня, я – для тебя, дело у нас – общее, моё к твоему пришито, твоё к моему. Мы с тобой – как две штанины. Ты мне – не барин, я те – не слуга. Так ли?

Гражданин несколько ошарашен неожиданным вмешательством странного человека и смотрит на него очень неблагоприятно. Пожилая женщина, в красной повязке на голове, говорит, вздыхая:

– Так-то так, да туго это понимают!

– Не понимают это – которые назад пятятся, вперёд задницей живут, – отвечает хромой, махнув рукою на тёмный берег: теплоход поворачивал кормой к нему.

– Верно, – соглашается женщина и предлагает: – Присаживайся к нам, товарищ!

Он остался на ногах, и через две-три минуты высокий голос его чётко произнёс:

– Всякое дело людьми ставится, людьми и славится.

Прозвучало это как поговорка, но поговорка, только что придуманная им и неожиданная для него.

Вот так он четвёртые сутки и поджигает разговоры, неумолимо добиваясь чего-то. И теперь, внимательно выслушав все возражения против его слов о том, что «человек умирает со страха», он говорит, предостерегающе подняв руку:

– Старики, конечно, от разрушения системы тела мрут, а некоторая-а часть молодых – от своей резвости. Так-ведь я – не про всех людей, я про господ говорил. Господа смерти боялись, как, примерно, малые ребята ночной темноты. Я господ довольно хорошо знаю: жили они – не весело, веселились – скушно...

– Откуда бы тебе знать это? – иронически спрашивает усатый человек. – На лакея ты не похож...

Молодой парень в шинели и шлеме резко спрашивает:

– Позвольте, гражданин! При чём тут обидное слово – лакей?

– Есть пословица: для лакея – нет... людей.

– Пословицы ваши оставьте при себе.

Присоединяется ещё один голос:

– Пословица ваша сочинена тогда, когда лакея за человека не считали...

– Довольно, граждане!

Хромой терпеливо ждёт, выбирая из коробки папиросу, потом говорит:

– Я тебе, гражданин, пословиц сколько хочешь насорю, ну – толку между нами от этого не много будет. Это ведь неверно, что «пословица век не сломится»...

Красноармеец перебивает его:

– Насчёт страха – тоже неверно. Это теперь буржуазия смерти боится, а раньше...

– И раньше, – настойчиво говорит хромой, раскурив папиросу. – Я обстановку жизни изнутри знаю, в Питере полотёром был...

– Ну, если так, – проворчал усатый и усмехнулся.

– Вот те и так! До тринадцати годов я, по сиротству, пастушонком был, а после крёстный батяка прибыл в село, да и похитил меня, как бирюк барашка. Четыре года я и выплясывал со щёткой на ноге по квартирам, ресторанам, по публичным домам тоже. В Питере тогда особо роскошные бардачки были, куда тайно от мужьёв настоящие барыни приезжали, ну и мужья тоже тайно от них. Я все четыре года во дворе такого бардачка прожил, в подвале, стало быть, мог кое-чего видеть...

Курил хромой торопливо, заглывал дым глубоко, из-под его жёлтых растрёпанных усов дым летел так, точно человек этот загорелся изнутри и вот сейчас начнёт выдыхать уже не дым, а огонь.

– И в боях я во всяких бывал, – обратился он в сторону красноармейца. – Я, браток, повоевал так, как тебе, пожалуй, не придётся, да я тебе и не желаю. Под Ляояном был, бежал оттуда так, что сапоги насквозь пропотели...

Кто-то засмеялся, толстая женщина спросила:

– Что же вы – гордитесь этим?

– Нет, зачем? – звонко ответил рассказчик. – У меня, для гордостей, другое есть, георгиевский кавалер, два креста получил, когда мотался на фронтах от Черновицы города до Риги даже. Там ранен два раза, в своей, за Советы, – два, для гордостей – хватит!

– За что кресты получили? – спросил усатый.

– Один – за разведку и пулемёт захватил, другой – рота присудила, – быстро, но как будто неохотно ответил хромой; плюнув в ладонь, он погасил окурок в слюне и, швырнув его за борт, помолчал.

Обнявшись, тихонько напевая, подошли две девицы.

Одна сказала:

– Смотри – лодка, точно таракан...

– Огоньки на берегу, – задумчиво сказала другая, а красноармеец спросил что-то о пулемёте.

– Да так это, случайно, – нехотя сказал хромой воин. – Послали нас, троих, в разведку, я – за старшего... Ночь, конечно, австрияки не так далеко, шевелились они чего-то... Это ещё в самом начале войны было. Ползём. Впереди, за кустами, кашлянул человек, оказалось – пулемётное гнездышко, вроде секрет. Пятеро были там. Одного – взяли, он по-русски мог понимать, ветеринар оказался. Нашего одного тоже там оставили, потому что погоня началась, а он – раненый, а у нас – пулемёт. Проступок этот сочли за храбрость, даже приказ по полку был читан.

– Ногу-то когда испортили? – спросил красноармеец.

– Это уже когда господина Деникина гнали, – очень оживлённо заговорил хромой. – Ногу я упрямым спас, доктор решил отрезать её. Я его уговариваю: оставь, заживёт! Он, конечно, торопится, вокруг его сотни людей плачут, он сам плакать готов. Я бы, на его месте, топором руки, ноги рубил, от жалости. Ну, поверил он мне, нога-то – вот!

– Герой, значит, вы, – сказала одна из девиц.

– В гражданскую войну за Советы мы все герои были...

Усатый человек напомнил:

– Ну, не все, бывало, и бегали, как под Ляояном, и в плен сдавались...

– Когда бегали – не видал, а в плен сам сдавался, – быстро ответил рассказчик. – Сдашься, а после переведёшь десятка два-три на свой фронт. Переводили и больше.

– Вы – крестьянин? – спросила женщина.

– Все люди – из крестьян, как наука доказыва-ат...

Красноармеец спросил:

– В партии?

– На кой нужно ей эдаких-то? В партии ерши грамотные. А меня не достача стеснила, грамоты не знал я почти до сорока лет. Читать, писать у безделья научился, когда раненый лежал. Товарищи застыдили: «Как же это ты, Заусайлов? Учись скорее, голова!» Ну, выучили, маракую немножко. После жалели: «Кабы ты, голова, до революции грамоту знал, может, полезным командиром служил бы». А почём я знал, что революция будет? В ту революцию, после японской войны, я об одном думал: в деревню воротиться, в пастухи, а на место того попал в дисциплинарную роту, в Омск.

Красноармеец засмеялся, ему вторил ещё кто-то, а усатый человек поучительно сказал:

– В грамоте ты, брат, действительно слабоват, говоришь – проступок, а надобно – поступок...

– Сойдёт и так, – отмахнулся от него солдат, снова доставая папиросу, а красноармеец подвинулся ближе к нему и спросил:

– За что в дисциплинарную роту?

– Четверых – за то, что недосмотрели арестованного, меня – за то, что не стрелял; он выскочил из вагона, бежит по путям, а я у паровоза на часах, ну, вижу: идёт человек очень поспешно, так ведь тогда все поспешно ходили, великая суматоха была на всех станциях. На суде подпоручик Измайлов доказывает: «Я ему кричал – стреляй!» Судья спрашивает: «Кричал?» – «Так точно!» – «Почему же ты не стрелял?» – «Не видел – в кого надо». – «Ты, что ж – не узнал арестанта?» – «Так точно, не узнал». – «Как же ты, говорит, ехал в одном вагоне с ним три станции конвоиром, а не узнал? Ты, говорит, напрасно притворяешься дураком». Ну, потом требовал: расстрелять. Однако никого не расстреляли...

Он засмеялся очень звонким, молодым смехом и сказал, качая головой:

– Суматошное время было!

– А ты, дядя, не плох, – похвалил красноармеец, хлопнув ладонью по его колену. – Чем теперь занимаешься?

– Пчелой. На опытной станции пчеловодством. Дело – любопытное, знаешь. Делу этому обучил меня в Тамбове старик один, сволочь был он, к слову сказать, ну, а в своём деле – Соломон-мудрец!

Заусайлов говорил всё более оживлённо и весело, как будто похвала красноармейца подбодрила его.

Толстая женщина ушла, усатый сосед её сказал:

– Я сейчас приду.

Но тотчас встал и тоже ушёл, а на его место, на связку каната, присела девушка, которой лодка показалась похожей на таракана.

– С пчёлами он такое выделывал – в цирке не увидишь эдакого! – продолжал Заусайлов и причмокнул. – Сам он был насекомая вредная и достиг своей законной точки – шлёпнули его в двадцать первом за службу бандитам. Мне в этом деле пятый раз попало – голову проломили. Ну, это уж я не считаю, потому – время было мирное, не война. Да и сам виноват: любопытен, разведку люблю; я и в нашей армии ловким считался на это дело.

– В нашей – в Красной? – тихонько спросила девушка.

– Ну, да. Другой армии у нас нету. Хотя и в той – тоже. Там, конечно, по нужде, по приказу, а у нас по своей охоте.

Он замолчал, задумался. Вышла женщина с мальчиком лет семи-восьми; мальчик тощий, бледненький, видимо, больной.

– Не спит? – спросила девушка.

– Никак!

– Я к тебе хочу, – сердито заявил мальчуган, прижимаясь к девушке; она сказала:

– Садись и слушай, – вот человек интересно рассказывает.

– Этот? – спросил мальчик, указав на красноармейца.

– Другой.

Мальчик посмотрел на Заусайлова и разочарованно протянул:

– Ну-у... Он старый...

Красноармеец привлёк мальчугана к себе.

– Стар, да хорош, куда хошь пошлешь, – отозвался Заусайлов, а красноармеец, посадив мальчика на колени себе, спросил:

– Как же ты, товарищ, к бандитам попал?

– А я их выяснил, потом – они меня. Суть дела такая: вижу я – похаживают на пчельник какие-то однородные люди, волчьей повадки, все невесёлые такие. Я и говорю товарищам в городе: подозрительно, ребята! Ну, они мне – задание: доказывай, что сочувствуешь! Доказать

это – легче лёгкого: народ тёмный, озлобленный до глупости. Поумнее других коновал был, артиллерист, постарше меня лет на пятнадцать – двадцать. Практику с лошадьми ему запретили, ну, он и обиделся. К тому же – пьяница. В шайке этой он вроде штабного был, а кроме его, ещё солдат ростовского полка, гренадёр, замечательный гармонист.

Мальчуган прижался щекою к плечу красноармейца и задремал, а девушка, облокотясь о свои колени, сжав лицо ладонями, смотрела за борт, высоко подняв брови. Теплоход шёл близко к правому берегу, мимо лобастого холма, под холмом рассеяно большое село: один порядок его домов заключён, как строчка в скобки, между двух церквей. С левого борта – мохнатая отмель, на ней – чёрным кустарник, и всё это быстро двигается назад, точно спрятаться хочет.

– Банда – небольшая, человек полсотни, что ли. Командовал чиновник какой-то, лесничий, кажись, так себе, сукин сын. Однако – недоверчивый. Ну вот, они трое приказывают мне: узнай то, узнай это. Товарищи говорят мне, что я могу знать, чего – не могу. Действовали они рассеянно: десяток там, десяток – в ином месте, людей наших бьют, школу сожгли, вообще живут разбоем. Задание у меня, чтоб они собрались в кулачок, а наши накрыли бы их сразу всех, как птичек сетью. Сделана была для них заманочка... помнится – в Борисоглебском уезде на маслобойке, что ли. Поверили они мне, начали стягивать силы. Чёрт его знает почему, старик догадался и вдруг явился, как злой дух, раньше, чем они успели собраться, однако – тридцать четыре сошлось. Начал он сеять смуту, дескать, надобно проверить, да погодить, да посмотреть. Вижу – развалит он всё дело, говорю нашим: «Берите, сколько есть!» Они за спиной у меня были в небольшом числе. Тут меня ручкой револьвера – по голове. Вот и вся недолга история!

– О, господи! – вздохнула женщина. – Когда всё это кончится?

– Когда прикончим, тогда и кончится, – задорно откликнулся рассказчик. Женщина махнула на него рукой и ушла.

– А ведь верно, вы в самом деле – герой, – весело и одобрительно сказал красноармеец. Мальчик восторженно спросил:

– Что ты кричишь?

– Извини, не буду, – отозвался красноармеец. – Строгий какой!.. Чужой вам? – спросил он девушку.

– Племянник, – ответила она. – Иди-ка спать, Саша.

– Не хочу. Там – храпит какой-то.

Он снова прижался к плечу красноармейца, а Заусайлов вполголоса повторил:

– Саша...

И, вздохнув, покачиваясь, потирая колени ладонями, заговорил тише, медленнее.

– Ты, товарищ, говоришь – герой. Слово будто не подходящее нашему брату, – своё защища-ам, ну ведь и бандиты, кулаки – своё. Верно?

Мальчик снова восторженно и громко, как бы с гордостью, сказал:

– У меня отца кулаки убили. Я видел – как. Мы приехали из города, папа вылез ворота отворять, а они на него напали пьяные, два, а я уже проснулся, закричал. Они его палками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.